18+

Три Абрама из Бат-Яма

предвыборный репортаж

Аркадий Маргулис

Аркадий Маргулис

Три Абрама из Бат-Яма. Предвыборный репортаж

https://litres.ru/74757442
ISBN 9785007151573

Аннотация

Что получится, если три Абрама из Бат-Яма окажутся в центре предвыборных страстей?

Разумеется, без споров не обойдётся. Ведь в Израиле каждый разбирается в политике, а убедить собеседника в собственной правоте порой труднее, чем выиграть выборы.

«Три Абрама из Бат-Яма» — ироничный предвыборный репортаж о людях, характерах и политике, которая незаметно проникает в самые обычные разговоры.

Содержание

Глава 1. Последняя пятница сентября. Йоси… 5
Глава 2. Шабат, Утро. Йоси… 16
Глава 3. Шабат. Утро. Абрам-первый… 20
Глава 4. Шабат. Утро. Лубочные новости скамеек 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Три Абрама из Бат-Яма
Предвыборный репортаж

Аркадий Беркович Маргулис

© Аркадий Беркович Маргулис, 2026

ISBN 978-5-0071-5157-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Последняя пятница сентября. Йоси…

Солнце медленно опускалось в море, окрашивая горизонт в глубокие оттенки охры и расплавленного золота. На часах было около пяти вечера, и город доживал день по собственному, совсем не земному расписанию. Ведь заканчивалась пятница, и Шабат[1] неумолимо вступал в свои права.

Как это происходило обычно?

А вот. Ещё час назад улицы Бат-Яма[2] бурлили хаосом. Во дворах звенели голоса, хлопали двери, из окон доносился звон посуды и аромат запечённого мяса. Прохожие спешили из магазинов с пакетами продуктов, плетёными халами и охапками цветов, торопливо бросая навстречу друг другу: «Шабат шалом!» Вроде заклинания, мгновенно менявшего постное выражение лица на праздничное.

Городской гул, словно по взмаху дирижёрской палочки, начал утихать. На конечных остановках как по команде замерли автобусы. С беспорядочным стуком опустились железные жалюзи на витринах магазинчиков, кафе и лавок.

---

[1] Шабат (иврит) — суббота в Израиле, день отдыха и праздник. Начало: в пятницу вечером с заходом солнца, завершение: в субботу вечером с появлением на небосводе первой звезды

[2] Бат-Ям (иврит) наименование города — Дочь Моря

Обезлюдели офисы. Иссяк поток машин, уступая место почти осязаемому затишью. На асфальте удлинились тени. Город, который всю неделю бежал, спотыкался, спорил, не соглашался, вдруг сделал глубокий выдох и остановился. В сгущающихся сумерках шелест одежд обгонял прочие звуки: мужчины, как поводыри в белых рубахах выводили на прогулку семьи — женщин в строгих платьях и с покрытыми головами и детей притихших, но на удивление степенных. Им навстречу из синагог, приветствуя Невесту-Субботу, лились звуки вечерней молитвы. Старинный напев «Леха доди» плыл над кварталами, скрепляя тысячелетней вязью высотки с вечностью.

Чуть погодя в окнах домов затеплились огни субботних свечей. Они горели за стёклами, как путеводные маяки. Никто никуда не спешил. Перестали звонить телефоны, прекратили пищать уведомления, умолкли моторы. Еле слышно морской бриз перебирал листву фикусов, оглаживал ветви пальм и словно откуда-то свыше, доносил звон бокалов, встречающих седьмой день недели — благословенную субботу.

Как это произошло недавно? Всего минуту назад?

Человек с огромным животом навыкат стоял у киоска с соками. Большой, упитанный, неуклюжий. Он смотрел на меня, а я на него. Так иногда бывает: и вместе, и одновременно. И ещё — в его взгляде мелькало недоумение, рачьи глазки выглядели задетыми базедовой болезнью или выпу-

ченными со дня рождения. Мне недосуг было разбираться. И не хотелось.

Я ускорил шаг, надеясь, что случайный контакт останется секундным эпизодом угасающего дня. В пятничный вечер, когда город замирает в предвкушении Шабата, меньше всего хочется нарушать случайностью тишину. Солнце уже коснулось горизонта, и на асфальте окончательно соединились тени.

— Хавер шели[3]! — раздался за моей спиной ломкий, будто у подростка, голос. С недозревшей интонацией в оброненных словах.

Я тотчас обернулся. Упитанный не шёл, а тяжело надвигался на меня, осторожно балансируя пластиковым стаканом с оранжевым содержимым. Его живот, обтянутый потной футболкой, казался самостоятельным существом. Но больше приковывали его глаза: блестящие, будто выступавшие из глазниц, они смотрели на меня с нервозной прямотой. В них не было агрессии, скорее — упрямое, даже лихорадочное любопытство. Он определённо кого-то мне напоминал. Ничего особенного, вокруг бродит множество людей, похожих друг на друга как близнецы. Вроде всё тех же имбецилов.

— Далёко спешишь, ахи[4]? — спросил он, шумно отхлебнув «оранж», проморгав, что к подбородку прилипла капля,

---

[3] Хавер шели (иврит) — друг мой

[4] Ахи (иврит) — брат мой

— в Шабат вредно так бегать. Надо идти. Медленно. Вот так. По чуть-чуть.

Он показал — как именно надо, намеренно урезая шаг, еле переставляя босоножки внушительного размера. Я почувствовал себя ущемлённым. Улица вокруг пустела, магазины закрывались, и этот раскормленный увалень мог показаться единственной живой нотой, звучащей в затихающем городе.

— Домой, куда же ещё, — пожал я плечами, стараясь говорить вежливо, но с расстоянием, — Шабат шалом.

— Шабат шалом, — расплылось его лицо в загадочной улыбке, за которой прятались уши, — моя мама шутит, что в субботу ангелы спускаются прямо на крыши автобусных остановок. Так она всегда говорит. Потому что, когда автобусы отдыхают, ангелам есть где посидеть.

— Мама права, — ответил я, — время как раз особое, страна опять перед выборами, физиономии претендентов во власть торчат, куда ни ткнись. Даже вместо ангелов на автобусных остановках.

Пауза вышла долгой и грозила распространиться на всю субботу. Мой собеседник оступился, будто споткнулся, и прикипел ко мне взглядом — оторопелым, как мне показалось.

— И кого бы ты предпочёл? — спросил он.

— Пожалуй, оставил бы всё, как есть, — нейтрально ответил я, — чтобы не стало хуже.

— После того худшего, что было? — с сомнением покачал он головой и протянул мне недопитый сок, — хлебнёшь? Я не заразный.

В его жестах и мимике плавился сгусток превосходства, и моё желание исчезнуть сменилось любопытством. Этот человек с внешностью взрослого ребёнка видел насущный вечер иначе, чем я. Не знаю, как он, но я за неделю зверски умаялся на работе и не отказался бы разрядиться. Кто знает! Возможно, для него Шабат означал не только тишину, закрытые магазины и безлюдье. Может быть, для него город действительно наполнялся чудесами.

Мы шли по тенистому переулку, он служил зелёным мостом между двумя крупными улицами города. Воздух здесь был густым от запаха нагретой за день коры и эфирных масел, а на скамейках под деревьями собирались инвалиды-колясочники и старики со своими метапелями[5]. Знакомое место. Оно, казалось, всегда живёт обособленной жизнью, и установившийся здесь оплот полон зависимости от всеобщей заботы.

Большинство скамеек в этот час пустовало, на ближайшей древний старик, задрав голову, вглядывался ввысь. Молодая метапелет-филиппинка обмахивала его веером.

Йоси замедлил ход. Дыхание его стало тише. Он всё ещё нёс стакан сока, словно редчайшую драгоценность.

---

[5] Метапель (иврит) — работник, осуществляющий уход за немощным, инвалидом, ребёнком.

— Смотри, — прошептал он, — это наш адон[6] Левин. Мама говорит, что этот дедушка знает все звёзды наперечёт, и когда улыбнётся, на небе зажжётся первая.

Филиппинка приветливо махнула рукой с веером:

— Шабат шалом, Йоси!

И Йоси — теперь я знал его имя — просиял, его живот колыхнулся, похоже было, из солидарности. Он приподнял свой пластиковый стакан, салютуя переулку, маленькому Ноеву ковчегу человеческих судеб, замершему в ожидании благословенного покоя. Я поймал себя на мысли, что моё раздражение испарилось. В этом узком проулке, зажатом улицами, высотками и временем, стирались границы между людьми: здоровыми и больными, молодыми и старыми, между живыми и мёртвыми — тоже.

На последней у выхода скамейке улыбчивый юноша пытался починить старинный транзистор подопечного деда, выходца из Аргентины. Старый Рауль, сидя в коляске, терпеливо стучал костяшками пальцев по утратившему чувствительность колену: во все годы после репатриации он перед заходом солнца в пятницу следуя многовековой традиции сефардов, слушал по радио чтение библейской «Песни Песней». Но до сих пор вместо слов царя Соломона динамик размножал яростное шипение и треск.

— Слава Богу! — вскричал метапель, заметив приближение моего спутника, — Йоси, брат, выручай! Без твоей магии

---

[6] Адон (иврит) — господин

ни шиша не выходит! Эта старая мыльница опять сдохла!

Йоси величественно, как магистр рыцарского ордена, подошёл поближе. Его чуткий живот уткнулся в плечо старика. Он бережно передал мне свой недопитый стакан с «оранжем» — я принял его стоически, даже не успев удивиться — и лишь тогда, освободив руки, он протянул их к радиоприемнику.

В его глазках сверкнул вулканический азарт. Он не стал крутить регуляторы настройки. Не взялся вскрывать корпус. Вместо этого поднял приёмник над головой, обернулся на все триста шестьдесят градусов вокруг своей оси, будто ловя сигнал сверхдальней звезды, и шлёпнул ладонью по пластиковой плоскости.

Шипение вмиг прекратилось.

Из динамика без единой помехи упоённо полился бархатный баритон Яакова Швекея, запевшего «Шалом Алейхем» — оду, встречающую ангелов мира. Переулок словно выдохнул благодать. Старый Рауль из Аргентины расплылся в улыбке, благодарно приподнял руку и воскликнул:

— Каждую пятницу так! Йоси, у тебя, наверное, радар вместо позвоночника!

Его метапель с восторгом аплодировал.

Йоси обернулся ко мне, сияя. В этот момент под первыми же звуками субботнего гимна его округлое лицо потеряло признаки хвори и выглядело удивительно красивым. Он забрал у меня свой стаканчик, отхлебнул сок и подмигнул

Раулю.

— Вот видишь? — уговаривал он меня, — ангелы всё-таки прилетели. Они всегда появляются через радио, если автобусы не все стали на якорь.

Мы покинули переулок.

Закат догорал, и даже окна верхних этажей теперь подмигивали пламенем свечей.

Мы, добравшись до конца переулка, вышли на улицу. Дома вокруг уже погрузились в предсубботнюю истому, когда отовсюду тянуло ароматом выпечки, а редкие прохожие убыстряли шаг, чтобы поспеть к столу до наступления темноты.

Йоси внезапно остановился, рачьи глазки выпятились ещё сильнее, и на крупном, одутловатом лице, будто бы абсолютно лишённом мимики, отразился испуг. Для случайного прохожего он запросто мог сойти за ребёнка, чья врождённая неблагополучность угадывалась по неуклюжей фигуре и бесцветному взгляду. Но сейчас в его глазах пульсировал переполох.

— Ох! — вскричал он, опрокинув остатки «оранжа» себе на футболку, — мама! Она уже зажгла свечи! Предупреждала же: «Йоси, если ты опоздаешь, ангелы съедят твой суп!»

Он повернулся ко мне так быстро, что его огромный живот качнулся из стороны в сторону. Не успел я вымолвить слово, как Йоси сунул мне в руку пустой стаканчик.

— Шабат шалом, хавер шели! Старайся не опоздать, но

беги медленно! — выпалил он.

И чуть ли не вприпрыжку, придерживая рукой сползавшие на ягодицы штаны, во всю прыть припустил по тротуару. Топот ног ещё пару секунд повторяло эхо — пока его фигура не растворилась в уплотнившихся сумерках.

Я остался один, зачем-то сжимая в руке мокрый пластик. Затем поплёлся к дому, где снимал квартиру, и возвращение сопровождалось странными мыслями. Пережитую неделю я, как и тысячи других, куда-то мчался. Спешил за новостями, за призрачным успехом, раздражаясь на любую мелочь, на любую задержку в пути. Я ждал Шабата как передышку — как время, когда можно выключить телефон и хорошенько выспаться.

Нынче толстяк Йоси за какие-то минуты перевернул моё восприятие. Для него этот вечер не был банальным окончанием недели. Возможно, он наяву видел ангелов на крышах и свято верил, что улыбка старого Левина зажигает звёзды. К тому же, он точно знал, как починить древнее радио, сделав единственный оборот вокруг самого себя. Трудно представить, что он сумел бы натворить, вращаясь как фигурист на льду.

Я выбросил стаканчик в урну возле дома и поднял глаза вверх. Небо над городом стало чернильно-синим. Совсем недалеко, прямо над аллеей акаций и эвкалиптов, зажглась первая, невероятно яркая субботняя звезда. У меня в голове закопошилась мысль, продолжение высказанной толстяком

Йоси: «Эта звезда зажглась, как предзнаменование какой-то блестящей победы — может быть, лучшего из претендентов на выборах… И тогда всем нам станет хорошо».

Я открыл дверь подъезда и впервые за долгое время почувствовал, что кругом наступило умиротворение.

Город погрузился в покой, который был старше его самого на тысячи лет.

Я повернул ключ в замке и вошёл в квартиру. Привычный мир встретил меня мягким светом торшера, накрытым к ужину столом, ароматом жаркого и свежей халой, которую жена прикрыла расшитой салфеткой. Раньше в подобный момент я чувствовал свинцовую усталость. Опускался на стул как обессиленный марафонец, мысленно прокручивая в голове слова, оставшиеся без ответа, и неожиданные раздражения. Хотя моё тело было дома, но голова оставалась где-то в суете будней. Я тогда не знал, как избавиться от такого наваждения.

Но сегодня всё обстояло иначе. Все напасти после недельного марафона смыло общение с Йоси, о существовании которого я до сих пор не знал.

— Ты сегодня что-то задержался, — улыбнулась жена, выходя из кухни с салатницей, — вроде, что-то случилось.

— Нет, — ответил я, поймав себя на том, что улыбаюсь в ответ — искренне, как не улыбался уже очень давно, — устал, шёл потихоньку.

Она приподняла брови, но ничего не спросила, лишь неж-

но коснулась моего плеча. Я сел за стол, придвинул к себе бокал с вином и посмотрел на дрожащее пламя свечей. Налёт недели: страхи, тревоги и сроки вдруг показались пустыми. Наверное, в этом и крылось таинство субботы, случайно выпущенное в мир. Шабат — ведь не только запрет на работу, он ещё напутствие на отдых и свобода рассмотреть улыбку старца, зажигавшую звёзды.

Глава 2. Шабат, Утро. Йоси…

Утренняя тишина отозвалась не только сплошным беззвучием; беспрерывная немота казалась владычицей в любом уголке пространства, как будто мир навеки затаил дыхание. В отличие от банального городского затишья — бессмысленного или дремотного, нынешний покой представлялся идиллией. Он не сопровождался тишиной, он её утверждал. Мир словно очистился от бестолковости, суеты, каверзных затей или никчёмных забот. Лишь в первозданном умиротворении — там, где остановилось время, получалось разгадать подлинную магию вещей. Не только физических, но и ментальных, или если взглянуть глубже — духовных. Таким неподдельным казалось безмятежье — узлом, связующим приземлённость с вечностью. Странно, но я осязал, что состою из мельчайших частиц покоя. И всё же единственным, неоспоримым и своевременным исключением из тотального безмолвия оказался будильник. Разразившись привередливым звоном, оборвавшим мой сон, он минуту спустя заверещал снова, окончательно заставив меня вспомнить, что в конторе «Габриэли», где меня оформили метапелем, чересчур негативно воспринимают опоздания, и учёт рабочего времени ведут крайне принципиально.

Я мгновенно собрался. Наскоро поглотав кофе, я выбежал наружу и сразу убедился, какой колоссальный скачок во вре-

мени совершила ночь.

Город поразил меня платоническим безлюдьем: священная тишина, которой я только что восторгался, оказалась досадой, мешающей торопиться. Урезонив противостояние бодрым шагом, я чуть не снёс с ног прохожего — пути Господни воистину неисповедимы — столкнувшись лоб в лоб с Йоси. Попробуй поверить, что это не случай, а сама необходимость! В первое мгновение мы опешили оба, и мне почудилось, что я его не узнал. Или — наоборот — обознался. Судя по всему, он испытывал те же чувства. Ведь наступила суббота, и казалось, будто мы расстались не вчера, а вечность тому в начале отсчёта. В который раз я убедился, что мир непоправимо тесен. Земля сжалась до размеров телефонного справочника.

Хотя стояло обычное утро, и градус сентября подрастал вместе с солнцем, Йоси выглядел живописно. На мой взгляд в его облике сочетались расхлябанность ребёнка и собранность коммивояжёра. Торс облегала всё та же футболка, но теперь на выпяченном животе красовалась ярко-оранжевая клякса — пятно от предсубботнего сока. Майка едва дотягивала до выгоревших джинсов, норовивших обнажить тело. Наряд завершали массивные босоножки, обутые — вопреки странностям моды — на плотные носки, что придавало его ногам сходство с небрежно побеленными тумбами. Но акцентом образа оставалась голова. Редкие, прилизанные к затылку волосы блестели остатками наспех принятого душа.

Округлое лицо, вчера казавшееся безмятежным, теперь выражало беспристрастность. Даже тяжёлый подбородок смотрелся не на своём месте.

Итак, Йоси стоял напротив меня, широко расставив ноги, может быть, для устойчивости и сохраняя в руке, словно маршальский жезл, свёрнутую в рулон газету. Словно удерживая плацдарм у закрытого киоска для предстоящей атаки. Даже глазки его выглядели умеренней. Они уже не пучились, как вчера, а смотрели с генеральским прищуром, пронизывая пространство насквозь до горизонта, Мне показалось, что от него веет упрямством обывателя, который точно знает, куда развернут танки. Как будто с ним на связи пребывал начальник Генерального штаба.

— И куда ты собрался на этот раз? — спросил Йоси так, будто мы расстались минуту назад, — город спит… те же птички, а ты несёшься, будто черти нагрянули по твою душу.

— Какие черти, — глянул я на часы, — у меня с утра работа. Нанялся в контору «Габриэли» — за стариками присматривать. Вот и мчусь. Три часа — вынь да положь.

Около нас в ожидании приза топтались голуби.

— Всего три часа? Шабат шалом, — покачал он головой, и от его лица запахло улыбкой, — вообще, у наших стариков развлекательная история. Мой дед с тех пор, как выбрался сюда из Кишинёва, никак не желал понять, почему по субботам автобусы не ходят, а магазины закрыты. Старикам тяжело даётся Шабат, и ради них нужно хотя бы что-нибудь

поменять. Они заслужили. Так что не делай человеку нервы, как говорят в Одессе. Три часа — не мало, но и не так уж много… Дерзай! А там — обязательно свидимся.

В этот момент раздалась ажурная трель телефона. Йоси подключил микрофон, и в тот же момент из аппарата послышался возмущённый голос его мамы:

— Йоси, ты где! Брось всё и бегом домой! Запеканка почти готова!

Он так и не успел ей ответить по канонам израильского семейного уклада, а мне нельзя было дальше тянуть. Нельзя было опаздывать, зная требовательную натуру Абрама Гольдштайна.

— Шабат шалом! — вскричал я, пускаясь во всю прыть к одному из трёх стариков, которых мне поручила обслуживать контора «Габриэли». В этом был обидный привкус, ведь на сей час оставалось неизвестным, в чьи добрые руки попаду я, если доживу до старости.

Глава 3. Шабат. Утро. Абрам-первый…

Оставив Йоси решать судьбу маминой запеканки, я стремглав подался прочь от закрытого на субботу киоска. Пока солнце поднималось всё выше, улицы упрямо оставались в безлюдье. Мой маршрут лежал к дому Абрама Гольдштайна — репатриировавшегося из Болгарии легендарного инженера-строителя автомобильных дорог. В Израиле так высоко оценили его прошлое, что немедленно предоставили работу и даже прикрепили переводчика, лишь бы максимально использовать его драгоценный опыт. Прошли годы, дороги в Израиле приобрели европейское качество, да и сам адон механдэс[7] изрядно поднатаскался в иврите.

Жил Абрам в высотном здании на престижном четвертом этаже. Лифт в доме, разумеется, действовал исправно, но я пользовался им только если перемещал подопечного в инвалидной коляске. Так что нынче преодолев лестничные пролёты вприпрыжку, я нажал кнопку звонка.

Из-за двери немедленно донёсся не терпящий кривотолков крик:

— Тканé́с! Войди!

---

[7] Механдэс (иврит) — инженер. В тексте: «… адон механдэс…» — господин инженер

Толкнув незапертую дверь, я шагнул в квартиру. Абрам сидел на диванчике, с осанкой человека, который лично спроектировал основные магистрали страны. На тумбочке дожидался воплощения лист бумаги, исписанный чётким почерком.

— Опаздываешь, друг, — вместо приветствия проворчал он по-русски с характерным балканским акцентом, — дорога не прощает задержек. У нас округлённо всего три часа, график крайне жёсткий — как цемент марки пятьсот.

Он взял с тумбочки заготовленный план и зачитал первый пункт рабочей процедуры:

— Гидротехнические работы, а именно, смыв будничной пыли.

Мы перебрались в ванную комнату. Моя задача в этой части напоминала службу ассистента у именитого хирурга. Я должен был чётко, без задержек подавать нужные предметы.

— Зубную щётку! — скомандовал Абрам, протянув руку.

Выдавив пасту, я протянул инструмент ему.

— Протезы!

Я подал стакан с протезами. Абрам водрузил на место титановые сооружения, поклацал ими, проверяя сцепление и удовлетворённо кивнул себе в зеркало. Верхний марафет был наведён.

— Во-вторых, завтрак, — провозгласил Абрам.

Слово «завтрак» означало сложный экспромт. По настоянию Абрама я превратился в повара либерально-балканской

кухни.

— Кроши лук мелко! Ещё, ещё мельче! Это фундамент, — комментировал он из кресла, — теперь потроши авокадо. Ложкой его, ложкой — как ковшом экскаватора! Зелень подсыпь сверху для натуральности натюрморта. Но помидоры с огурцами — кубиками и строго по обочине. Сверху обязательно придави йогуртом, как раствором.

Когда салатный монолит оказался готов и затем аппетитно съеден, Абрам, щегольнув сытой отрыжкой, постановил:

— И только теперь пора заняться дренажной системой.

Это была наиболее деликатная и привычно-рутинная для меня забота. Абрам возлежал на кровати в костюме Адама, ничуть не смущаясь своей старческой обнажённости. В конце концов, дорожный инженер повидал в жизни всякие ландшафты.

Я приступил к делу с особенным тщанием. Первым делом отсоединил старый, заполненный за ночь мочеприемник.

— Осторожно со стыками, — подсказывал Абрам, глядя в потолок, — герметичность — гарантия качества. И конечно, избавление от подмоченной репутации.

Я протёр дезинфектантом его кожу, вскрыл стерильный комплект и ловко прикрепил систему к его фаллосу, расправив трубки чтобы не пережимались.

— Готово. Проходимость как в Ниагарском водопаде, — отрапортовал я.

— Справился и ладно, — скупо подтвердил Гольдштайн,

поправляя простыню, — от раза к разу ты действительно повышаешь квалификацию. Буду кругом рекомендовать тебя фельдшером… Надеюсь, ты уже решил, за кого отдашь голос на выборах? Страна нуждается в истинных патриотах! Возражения, сам понимаешь, излишни.

Я саркастически вздохнул. И выдохнул. Честно сказать, после рабочих будней, нынешнего марафона по шинковке овощей и затем профессиональной замене уринатора, предвыборные страсти волновали меня меньше всего.

— Знаешь, Абрам, — признался я, неопределённо махнув рукой, — мне некогда заниматься политической вознёй. Работа, дом… Я вообще на такие мероприятия не ходок. Один голос просто ничего не решит.

Лицо деда мгновенно изменилось. В его глазах вспыхнул праведный гнев, словно я только что признался в умышленной порче асфальтоукладчика. Он даже приподнялся в своём кресле, сердито стукнув кулачком по подлокотнику.

— Что значит «не ходок»?! — взвился Гольдштайн, переходя на иерархический тон, — выбирать стране лидера — святая обязанность гражданина! Это тебе не лотерея и не променад вдоль набережной! Мы страну обустраивали не для того, чтобы молодые и здоровые парни в день голосования потягивали пиво из холодильника!

Он перевёл дух, грозно посмотрел на меня снизу вверх и продолжил, рубя воздух ладонью:

— Международное положение Израиля всегда — слы-

шишь, всегда — отличалось колоссальными трудностями. Мы здесь как на вулкане. Вокруг нас не швейцарские Альпы, а ближневосточный пороховой погреб. Погляди, сколько врагов вокруг Обетованной! Весь оголтелый антисемитский мир! Каким-то чудом справляемся! В такой исторический момент премьерское кресло должен занять наиболее мудрый, опытный и жёсткий человек. Человек, который умеет держать удар, строить стратегию, руководить министерствами, а главное — дать врагам по зубам, а не просто показывать зубы с предвыборных плакатов!

— И кто же, по-твоему, этот самый достойный, Абрам? — с улыбкой поинтересовался я, — всяких уже повидали.

Гольдштайн на секунду опешив, проследил за моим взглядом, а затем его суровое лицо строителя дорог дрогнуло, и он громогласно расхохотался, распугав сидевших на ветках акации попугаев — в прошлом домашних, но давно сбежавших из клеток и одичавших. Затем также резко остановившись, добавил:

— Хорошо бы заполучить крутого бойца. Имеем скопище генералов, но пока что не нашлось ни одного подходящего. Нельзя нам зевать… Смерти подобно… Зато впереди у нас с тобой культурная программа. Стало быть, давай собираться.

Когда завершился эпохальный аккорд, Абрам в рубашке со стоячим воротничком и удлинённых шортах, переместился в коляску, и мы, воспользовавшись лифтом, покинули подъезд.

Путь наш лежал к той самой аллее с вековыми эвкалиптами и акациями, соединявшей две улицы города. Субботнее солнце вволю тешило округу ярчайшим светом. На скамейках помаленьку набирался кворум. Вот-вот должны были состояться предвыборные прения.

Я катил коляску Абрама вдоль аллеи, и он благосклонно кивал соседям справа и слева, словно мэр города, приветствующий всех без исключения горожан. Где-то вдалеке, или мне показалось, снова замаячила фигура Йоси. Он, конечно, умяв мамину запеканку, вернулся к геополитическим размышлениям. Словно поймал мой взгляд и издалека заговорщически погрозил пальцем — мол, не забывай про свободу личности в нашей ветхозаветной стране.

Я направил коляску в тень патриархального эвкалипта, к насиженной «Гольштайновской» скамейке, наслаждаясь ароматом зелени и разглядывая собравшуюся публику.

Глава 4. Шабат. Утро. Лубочные новости скамеек

Ни лебединая чета Геночки Каплан и Анечки Бальва из Украины, ни ветеран войны Гриша Швунгенхойз из Молдавии, ни феерическая Аделаида Марбург из Румынии — да не помешает им непогода отдыхать на облюбованной скамейке! Ни хворающая — пусть перестанут трястись её руки — Манечка Школьникер из Белоруссии, ни задумчивый Абрам Гольдштайн из Болгарии — их скамейка напротив, не лишатся и они насиженного места! Ни сапожник Захария Чавчавадзе из Грузии, ни торговец сигаретами Пинхас Алигалиев из Азербайджана — пусть всегда на раскладные стульчики около их трудовой скамейки присаживаются благодарные клиенты! Никто из них не подозревал, что судьба когда-нибудь соберет их вместе. Вспоминать прошлое. Коротать в Израиле похожие один на другой дни, часто очень тревожные. Стоически обсуждать новости о несносном внутреннем и международном терроризме. Догадываться — что, где и когда произойдет. Много лет собираются они на своих скамейках в пешеходном проходе, соединяющем две параллельные улицы города. Над скамейками ветры озвучивают откровения ветвей. Густая листва не даёт упасть на головы первым каплям дождя, а в знойное время расстилает на скамейках

непроницаемые тени. Печальный вид у пустующих скамеек. Они ждут…

Из завсегдатаев обычно раньше других приходят Геночка Каплан с Анечкой Бальва. Геночка, танцующе пришаркивая, перемещается шажками и для равновесия вытягивает губы вперёд. За ним под руку, ступая шире, поспевает Анечка. Добравшись до своей скамейки, они рассаживаются, облегчённо вздыхают и некоторое время молчат.

— Анечка, ты дверь заперла на оба замка? — переведя дух, спрашивает бывший следователь уголовного розыска Геночка Каплан и в ожидании ответа поджимает губы.

— Конечно, на оба, Геночка, — вспоминая, отвечает бывшая бухгалтер Анечка Бальва, — ключи у тебя в том кармане. Он проверяет, шлёпая себя ладонью по правому бедру. Затем к скамейке торопливо прихрамывает опытнейший кузнец Гриша Швунгенхойз.

— Сидите? — кричит он издали, — трясётесь за свои сидушки?! Ворчливо отвечает Геночка:

— Чего зря звенеть? Твоё место пустует.

Скамейка длинная, и Гриша устраивается подле Анечки. Они обсуждают способы приготовления куриных желудков с отварной фасолью и поджаренным луком, потом падение уровня воды в озере Кинерет из-за нехватки дождей, и, наконец, предвыборные обещания претендентов на место Премьер-министра. И дальше после короткой передышки: побе-

ды ЦАХАЛ[8] над Хамасом, Хизбаллой, Хуситами и, главное, сильнейший удар авиации по Ирану, остановивший его ядерную программу. В конце концов приходят к выводу, что перспективная программа русскоязычного штаба превосходит обещания других партий. Но тут ко второй скамейке подкатывает тележку бывший модельер, а ныне сапожник Захария Чавчавадзе. Родословное дерево, в чьих ветвях утвердилось плодовое место семьи Чавчавадзе, имеет мощную корневую систему, уходящую вглубь веков. Захария — потомок древнего рода грузинских князей Чавчавадзе. Об этом все давным-давно знают. И Захария Чавчавадзе с кавказским достоинством произносит: «Добрый день» и закуривает, аристократично раскладывая на столике сапожный инструмент. За ним к третьей скамейке семенит умница Манечка Школьникер, в прошлом врач-психиатр и притом кандидат медицинских наук. Но хотя у неё теперь беспрестанно трясутся подбородок и руки, она по сию пору обихаживает себя без посторонней помощи.

[8] ЦАХАЛ — армия обороны Израиля

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.